

Бондарь, Л.Д. Восточноевропейский регион в контексте формирования универсальной цивилизации и глобализации: проблема выбора ценностных ориентиров / Л.Д. Бондарь, Т.И. Масловская // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. – Мн: БГУ, 2004. – С. 21–23.

Л. Д. БОНДАРЬ, Т. И. МАСЛОВСКАЯ
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Долгое время в современной науке существовали две противостоящие друг другу философские концепции. Одна из них подразумевала, что есть некая единая цивилизация и единое человечество с единой историей (Г. В. Ф. Гегель и его последователи, марксисты, позитивисты). В противовес ей другая говорила о том, что единой истории не существует, а есть множество разрозненных цивилизаций, которые не оказывают друг на друга никакого влияния (О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Конечный). Однако в настоящее время все более популярной становится точка зрения о том, что в человеческой истории существует план двух смыслов, формируется некая единая цивилизация с единой историей, но в то же время существует множество культур и цивилизаций, живущих своей жизнью. И эти два смысла не противостоят, а взаимно дополняют друг друга.

При этом следует уточнить два функционирующих в этой связи понятия – *универсализация* и *глобализация*. Универсализация – это реально существующий факт, сопровождающий историю человечества с давних времен. Глобализация же содержит в себе элемент искусственного ускорения данного процесса, преимущественно в сфере экономического интегрирования, и началась она в 90-е гг. прошлого века. Идею существования в современном мире этих двух процессов поддерживает целый ряд исследователей [7].

В контексте процесса универсализации интересно обратиться к восточноевропейскому региону. Сложилось мнение, что вместе с социализмом исчезло и само понятие «Восточная Европа». Но проблема взаимоотношения стран Восточной и Западной Европы не может исчезнуть, поскольку она существовала и раньше.

В европейской историографии определение этого региона всегда было проблематичным. Так, немецкие ученые исключали из восточноевропейского региона Польшу и Чехию, присоединяя их к странам центральнойвропейского региона (*Mittleuropa*). Известный польский ученый Оскар Халецкий и его последователи ввели в научный оборот и другое понятие – центрально-восточноевропейский регион, из которого исключаются

Заднепровская Украина и Россия [1]. Однако, несмотря на это, имеется много оснований для признания, что традиционное понимание Восточной Европы имеет право на существование.

Речь идет не только о географическом положении. Вспомним позицию одного из ведущих современных западных философов Поля Рикера, который, осмысливая проблему единства, подчеркивает, что единство памяти и взглядов на будущее объединяет людей во времени и, тем самым, определяет их принадлежность к одному и тому же историко-географическому пространству, создавая неповторимый стиль жизни, одухотворенный определенными оценочными суждениями, или просто ценностями [4]. Так же говорит и современный польский мыслитель М. А. Кромпец, подчеркивая, что для того, чтобы

узнать народ, нужно узнать его историю [6]. А для Восточной Европы единство истории как раз и характерно.

Следует также иметь в виду, что в странах Западной Европы несколько другой фундамент, формировавшийся тысячелетиями на основе античных правовых и общественных традиций, где очень рано сложилось так называемое гражданское общество в виде городской общины – *civitas*, являвшейся основой традиций самоуправления. Это предполагало значительную независимость общества от государства и организацию определенного контроля над структурами власти со стороны общества, что только и делает возможным существование демократической формы правления как таковой. А странами Восточной Европы эти традиции были заимствованы довольно поздно и не получили должного развития, что в значительной мере осложняет создание в них полноценных демократических структур, и сама идея этого гражданского общества носит не только заимствованный, но и искусственный характер.

Касательно устремлений следует думать, как стать полноправными партнерами в отношениях с Западом. Если трезво посмотреть на экономическую ситуацию, то станет очевидным, что Западная Европа не является регионом с богатыми природными и материальными ресурсами. Главное богатство Западной Европы – это интеллектуальный потенциал и духовные ценности, накопленные тысячелетиями и не подвергшиеся целенаправленному варварскому истреблению со стороны своего же народа, как это было в большинстве стран Восточной Европы. В связи с этим первоочередной задачей для стран восточноевропейского региона является осмысление подлинной сути европейской цивилизации и ее ценностей, чтобы стать равноправными членами того же Евросоюза, не потеряв при этом себя.

В этом отношении показательны мнения польских участников дискуссии, проводившейся в Интернете, о том, что положительного и что отрицательного даст полякам вступление в «европейскую семью» [7]. В большинстве высказанных мнений содержались опасения потери Польшей суверенитета и независимости, обеднения и даже возможного разорения крестьянства, которое может стать сильным конкурентом западному сельхозпроизводителю.

Постоянно звучал еще один вопрос: «Разве нет альтернативы для Польши, кроме Евросоюза?», «Является ли Евросоюз единственным шансом?», «Если не Евросоюз, то что же?». По мнению поляков, обсуждение в средствах массовой информации этих вопросов часто напоминало оголтелую пропаганду в духе 50-х гг., когда утверждали, что единственной альтернативой является Москва. По образному выражению одного из польских участников дискуссии, Польша напоминает сейчас коня «с шорами на глазах, несущегося в бешеном галопе только в одном направлении – Евросоюза, хотя терпит многочисленные страдания, вызванные этой гонкой... Все больше поляков начинают опасаться, что этот галоп закончится трагическим падением в колючий малинник...» [9].

Для выхода на партнерский уровень восточноевропейским странам следует, прежде всего, вспомнить о своих духовных ценностях и активизировать творческий потенциал народа. И «тот, кто считает возможным пренебречь этикой и проблемой ценностей, не учитывает, что капитализм как общество свободных индивидов предъявляет отдельному человеку огромные моральные требования и требует моральных установок, которые экономика сама по себе породить не может» [3, 12–13]. Примечательны в связи с этим слова экс-президента Чехии Вацлава Гавела: «Задача, которая стоит перед странами восточноевропейского региона, гораздо более серьезная, чем просто экономическое развитие. Это совершенно невиданная задача: вновь обрести себя. А это значит не просто реставрировать досоциалистическое прошлое, а осознать свою культурную особенность и неповторимость в новых условиях» [5]. Ведь для того, чтобы стать равноправным

участником диалога, надо в первую очередь, стать значимой величиной для самого себя, а в результате – и для тех, с кем ты вступаешь в диалог.

Следует говорить именно о диалоге, а не противопоставлять восточноевропейскую и западноевропейскую культуры. Не нужно возвращать эту проблему в то русло, в каком ее рассматривали в свое время славянофилы, когда говорили о противостоянии Востока и Запада, православия и католичества и пр. Противостояние – это низшая форма взаимодействия между культурами и народами, а более высокой и более цивилизованной является коммуникация, то есть стремление понять другую культуру. Но понять ее так, как понимаем литературный персонаж, не повторяя, представить, не переживая, войти в положение другого, оставаться самим собой.

Всякое взаимодействие, в том числе и понимание – это риск, так как есть опасность утратить свою определенность в хаосе множества иных культур. Выдержать столкновение способна та культура, которая считается с собственными истоками и обладает творческим потенциалом в области искусства, литературы, философии и т. д.

С другой стороны, такое столкновение, по мнению Поля Рикера, просто необходимо, потому что, как известно, в споре рождается истина. А в данном случае истина рождается лишь там, где цивилизации и культуры взаимодействуют друг с другом на основе того, что есть у них наиболее жизненного и творческого. Человеческая история должна превратиться в широкое поле объяснения, где каждая цивилизация будет развивать свое видение мира, взаимодействуя с другими цивилизациями и культурами [4, 130–131].

Сейчас, когда много говорят об объединении в связи с проблемой глобализации, следует подумать, какого рода должно быть это объединение. В простом синкретизме, в недрах которого исчезает уникальность и неповторимость отдельных культур, присутствуют элементы упадка, в нем не содержится ничего творческого, это обыкновенные исторические отходы. А всякое полноценное единство должно быть многоуровневым и содержать единство многообразия.

1. *Бондарь Л. Д., Масловская Т. И.* Феномен Восточной Европы // Невский край. 2004. № 4.
2. *Козловский П.* Этика капитализма. СПб., 1996.
3. *Рикер П.* История и истина. СПб., 2002.
4. *Яжборовская И. С.* Некоторые методические вопросы сравнительно-исторического исследования региона Центральной и Восточной Европы // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития: Сб. ст. М., 1992.
5. *Krapiec M. A.* Człowiek w kulturze. Warszawa, 1996.
6. www.opoka.org.pl
7. www.radiomaria.ru
8. www.users.nethit.pl/forum/forum/lepper